

ЧУЖАЯ Вина

ДЕЛО
ХАННЫ
МОЧРО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СТЕЙСИ ВУД

18+

Стейси Вуд

Чужая вина

<https://litres.ru/73753312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ханну Монро осудили за убийство собственного мужа. Суд и присяжные были единодушны: хладнокровный расчет, мотив очевиден — прибрать к рукам все его активы, не вступая в затажной и скандальный развод. Дело закрыто, приговор вынесен, точка поставлена.

Итан Хейл — адвокат, бывший полицейский, человек, который слишком хорошо знает, как выглядят настоящие преступники. Для него ее апелляция — очередная попытка богатых сыграть в правосудие, затянуть процесс и купить себе свободу. Он берется за дело лишь затем, чтобы быстро и без эмоций довести его до логического конца.

Но чем глубже Итан погружается в материалы дела, тем больше появляется трещин в безупречной версии обвинения. Свидетельства не совпадают. Улики выглядят слишком аккуратно. А сама Ханна — не похожа на женщину, способную на хладнокровное убийство.

Профессиональный интерес оборачивается опасной близостью. Между допросами и судебными документами

возникает чувство, которому не место ни в зале суда, ни по разные стороны решетки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Стейси Вуд

Чужая вина

Глава 1

Ханна Монро

Жизнь щелкнула меня по носу.

— Я не виновна. Я не виновна. Я не ви-нов-на, — уже больше получаса я билась затылком о бетонную шершавую стену. Поджав ноги под себя, раскачивалась в попытках успокоиться. Предательские слезы катились по щекам. — Не виновна, я не виновна.

— Эй, Ягненок, да заткнись ты уже, — шумный рокот заполонил все пространство. — Спать мешаешь. А если не заткнешься, я тебе помогу.

Мне хотелось закричать во все горло. Но я зажала рот, чтобы моя новоиспеченная соседка не подошла. Я здесь меньше суток, но уже обзавелась доброжелателями.

— Ты в жопе, дорогуша. Смирись и дай мне поспать.

Я замерла, прислушиваясь к дыханию за спиной. Соседка не двигалась. Заснула? Или просто ждала, когда я снова начну плакать? Если в зале суда я думала, что хуже и быть не может, то перевод в женскую исправительную колонию шта-

та Массачусетс показал мне наглядно, какой наивной душой я была. Фрэммингем. Здесь отбывали срок серийные убийцы вроде Кристен Гилберт, что четвертовала своего бойфренда и разбросала останки по двум штатам. Здесь гнила за решеткой Анджела Паркс — та самая, что заказала собственных родителей ради страховки, а потом пять лет изображала примерную дочь в ток-шоу. Здесь сидела Лиэнн Холланд, которая отравила троих мужей мышьяком, а позже писала любовные письма своему адвокату. Чудовища в юбках. Хищницы. Женщины, чьи лица печатали в газетах с заголовками «Дьяволы во плоти».

А теперь и я.

Эта мысль была настолько абсурдной, что я едва не рассмеялась вслух. Истерическим, срывающимся смехом, который Сиенна, моя давняя подруга, приняла бы за рыдания. Я, Ханна Монро, три года ходившая к психоаналитику, потому что не могла заставить себя сказать мужу, что его шутки за ужином меня ранят. Я, которая уволилась из престижной клиники, потому что Виктор однажды сказал: «Дорогая, нам не нужны твои деньги, будь всегда дома, создавай уют, ходи на мероприятия со мной». Я променяла свою карьеру на благотворительные обеды, и теперь находилась в одной клетке с женщинами, которые реально отнимали жизни. И получали за это срок.

Я попыталась представить себя на месте той же Кристен Гилберт. Как надо ненавидеть, чтобы так поступить? Какой

холод должен быть внутри, чтобы разбрасывать части тела по шоссе, например? У меня не получалось. Я ведь даже жуков в саду так и не вытравила. Виктор злился, а я не могла, брезговала ядами, не прибежала к помощи садовника и попросту жалела эту живность. А теперь меня ставят в один ряд с теми, кто четвертует людей...

Мои внутренности скручивала неведомая сила, щеки горели, глаза опухли, в горле стоял ком, который душил сильнее, чем руки воображаемого убийцы. В горле запершило, я всхлипнула. Слезы снова подступили, обжигая носоглотку. Я закусила костяшку пальца так сильно, что почувствовала металлический привкус крови.

Не смей! Не смей реветь!

— Хватит скулить, Ягненок, — глухо донеслось сверху из темноты.

Единственная полоска света из общего коридора разрежала камеру по диагонали, выхватывая кусок стены и край моей койки. Я замерла, вжав голову в плечи. Мне совсем не хотелось злить свою соседку. Эти три с лишним часа, что я в новой камере, она была добра. Нет, это слово не про это место. Скорее, безразлична. А безразличие здесь — это роскошь, почти подарок.

Потому что девушки в окружной тюрьме Саффолка, где я была до суда, — настоящие фурии.

Я видела, как одна ударила другую головой об раковину просто за то, что та дольше положенного мыла руки. Брыз-

нула алая кровь на кафель, и никто из надзирателей даже не обернулся. Женщина сползла на пол, а нападавшая спокойно встала к раковине, будто ничего не случилось.

Теперь боль была валютой, а жалость — признаком слабости, за которую наказывают сразу и без предупреждения. Таким людям нечего терять, их души чернее черного. Если там вообще хоть что-то сохранилось. И перед судом несколько дней мне посчастливилось провести время в их приятной компании. Если бы не моя уверенность в невинности, я бы уже свела счеты с жизнью. После пережитого будет сложно не тронуться умом.

Я сжалась в комок, обхватив колени руками, и уткнулась лицом в оранжевую колючую ткань комбинезона. От нее пахло чужим потом, дешевым стиральным порошком и еще чем-то химическим, въевшимся в волокна. Этот запах будет преследовать меня теперь до конца моей жизни. Господи, да меня похоронят в этом уродском комбинезоне... Потому что моя семья откажется забирать тело убийцы.

В животе противно засосало. Последний раз я ела, кажется, вчера. Нас выстроили в коридоре окружной тюрьмы в шесть утра — даже не объяснили для чего. Просто зачитывали фамилии и велели собрать вещи. Меня назвали второй. Я думала, может, моей маме или Сиенне удалось договориться об апелляции так быстро? Встреча с новым адвокатом? Надежда глупая, детская, но она теплилась где-то под ребрами, пока меня вели по узком обшарпанному коридору.

Оказывается, меня официально переводили в настоящую тюрьму. Но перед этим сжалились и решили накормить.

Пластиковый стаканчик с бежевой жидкостью, которую здесь называли американо, но пахла горелой резиной. И то, что здесь именовали кашей, — серый, склизкий комок в мятой одноразовой тарелке, дрожащий как жележный десерт. Я смотрела на эту массу и почувствовала, как желудок подкапывает к горлу. Рядом женщина с опухшим лицом — кажется, ее звали Дарла, сидела за хранение, — ела прямо руками, зачерпывая и отправляя в рот, чавкая и довольно жмурясь.

— Че смотришь, богатенькая? — спросила она, заметив мой ошарашенный взгляд. — Бери, пока теплое. Хрен знает, когда нам в следующий раз принесут пожрать.

Я честно попыталась. Взяла ложку, сглотнула и посмотрела, как серый комок медленно сползает с горки, которую кто-то там соорудил поварешкой. Меня замутило. От запаха, от вида, от всего. Я не смогла бы это проглотить даже под пытками.

Дарла хмыкнула и через минуту уже доедала мою порцию.

Я тогда подумала еще, что ни за что не стану такое есть. Уж лучше от голода умереть, чем пичкать себя этим.

Сейчас, в этой камере, в этой темноте, живот сводило так, что хотелось выть. Не от голода даже — от унижения. Потому что я вспомнила, что ела в своей прошлой жизни. Утром в день ареста мне доставили из любимой пекарни на Ньюбери-стрит круассан с миндальной пастой. Хрустящий, слое-

ный, с нежной начинкой, тающей на языке. Кофе с корицей в любимой фарфоровой чашке, которую я привезла из поездки в Вермонт. Свежая клубника в стеклянной пиале...

Я закрыла глаза и могла воспроизвести этот вкус до мельчайших деталей. До хруста корочки, до кислинки клубники, до горьковатого послевкусия кофе.

Теперь я здесь. Меня привезли под вечер. Хотя все знают: распределения в женские колонии Массачусетса проходят в первой половине дня. После завтрака началась подготовка к распределению по тюрьмам. Но наши сборы затянулись — то ли бумаги не сошлись, то ли офицерам было плевать на расписание. Естественно, про обед все забыли. А к тому моменту, как автобус с десятком заключенных девушек дополз до Фрэммингема, ужин здесь уже закончился.

Теплой встречи, как на благотворительных вечерах, которые организовывал Виктор для своих девелоперских проектов, мне никто не оказал. Прием мне устроили соответствующий.

В приемном отделении горел яркий, болезненно-белый свет, от которого слезились глаза. Женщина в униформе с короткой стрижкой, которая не запоминает твоего имени, рывкнула: «Раздевайся». Я замешкалась всего на секунду.

— Ты глухая что-ли? — она шагнула ко мне, положив руку на пояс, где висел пояс с дубинкой, наручниками и, наверное, перцовым баллончиком. Понятия не имела, насколько это законно. Но выяснять не стала. — Раздевайся, я сказала.

Быстро.

Я стянула через голову тряпку, в которой меня везли. Ведь мою юбку и жакет от Шанель изъяли, когда завели в окружную тюрьму. Я осталась в хлопковом топе и трусиках, прикрывая себя руками. Рядом в душевой мылись другие женщины. Их взгляды впивались в мою бледную кожу и в мою нелепую попытку спрятаться.

— Руки убери, — приказала женщина. — Повернись. Нагнись. Раздвинь.

Я подчинялась, чувствуя, как горит лицо. Как эти взгляды со спины прожигают дыры. Как где-то слева кто-то хмыкнул, что я нежненькая... Меня сейчас стошнит от воспоминаний.

Потом была вода. Ледяная, ржавая вода текла на мое тело из лейки душа. Мыться при всех, потому что нет перегородок, и под комментарии, которых я старалась не слышать, унижительно. Какой позор! Моя мама бы свалилась в обморок, если бы увидела меня в таком виде. Мне выдали кусок мыла, похожий на обмылок, и я терла себя так сильно, будто хотела содрать кожу вместе с воспоминаниями о суде.

После душа никакого полотенца мне не выдали. Кинули в меня белую футболку, тонкую до прозрачности, сквозь которую все было видно, и которая моментально прилипла к телу. А сверху я надела этот дурацкий оранжевый комбинезон.

Когда меня вели в камеру, я тряслась. Спутанные волосы мокрыми прядями липли к щекам, комбинезон кололся, и каждый шаг отдавался в висках глухой болью.

Господи, за что?

Я не убивала. Я знаю это так же точно, как знаю, что меня зовут Ханна. Я не брала в руки нож, не нападала в Виктора, не заказывала его, в конце концов. Каким бы сложным, жестким, временами невыносимым он ни был... Он ведь любил меня? Ведь так? По-своему. Или мне так казалось?

Я вспомнила, как он впервые привел меня в этот дом. Как показывал сад, обещал, что мы посадим там розы, как он наймет садовника, а я просто буду пить кофе по утрам и любоваться видом. Как он оберегал меня от всего: от проблем с деньгами, от общения с неприятными людьми, от необходимости работать, от всего, что могло бы меня ранить. Он говорил: «Ты слишком ранимая, Ханна. Тебя надо беречь».

И я верила. А теперь его нет. И меня обвиняют в том, что я его убила.

Я зажмурилась так сильно, что в глазах вспыхнули бело-оранжевые круги. Я тихо встала с пола и аккуратно легла на голый матрас. Постельного белья мне никто не выдал. Слезы текли по вискам, затекали в уши, впитывались в подушку.

Мне хотелось закричать. Но я только кусала губы и давилась беззвучными рыданиями, потому что рядом дышала соседка, которую я совершенно точно не хотела беспокоить.

Я не понимала, что случилось. Не понимала, как здесь оказалась. Как и не понимала, почему улики говорят против меня. Зато знала только одно: моя прежняя жизнь кон-

чилась. И вернуть ее невозможно.

Глава 2

Ханна Монро

Резкий, металлический лязг, от которого я молниеносно подскочила, ударившись локтем о стену, вырвал меня из сна.

— Подъем! — загремело за дверью. — Завтрак через десять минут. Кто опоздает, останется голодным.

Я моргнула, пытаюсь сообразить, где я и почему так больно спине. Перед глазами все плыло, тело онемело.

— Заткнитесь там, — донеслось хриплое, пропитанное злостью от моей соседки. — Идите вы в задницу со своим завтраком.

— А кто будет возмущаться, — это был кулак, который ударил нашу дверь с другой стороны? — отправится на пару дней отдыхать.

Соседка перевернулась на другой бок, и пружины жалобно взвизгнули. К сожалению или к счастью, я с ней еще не познакомилась лично. Когда меня довели до камеры, она только глянула в мою сторону, хмыкнула и сразу окрестила Ягненком. Даже имени ее не знала... И за что она здесь. Я замерла, боясь дышать. А если она опасная? Насколько мне вообще безопасно рядом с ней находиться?

Очнись, Ханна, ты в тюрьме. И тебе отсюда не выбраться. Какая к черту безопасность?

Я подняла голову и уставилась в потолок. Облупившаяся краска, трещина, похожая на карту материка, которую я разглядывала ночью в попытках успокоиться. Затхлый запах — смесь чужого пота, сырости и дешевой химии — ударил в нос с новой силой. Кожа продолжалась чесаться из-за комбине-зона, волосы спутались в колтун, а во рту был такой вкус, будто я неделю лизала пол в той самой душевой.

Меня сейчас стошнит.

— Подъем, Ягненко, твою мать! — рявкнула соседка, резко поднявшись и свешивая ноги на пол. Я дернулась и при-ложила затылком о стену уже второй раз за утро. — Шевелись давай, пока лейтенант не приперся и не отправил нас в карцер за опоздание.

Я смотрела на нее снизу вверх и хлопала глазами. Лицо опухшее, под глазами мешки, короткие крашенные малино-вые волосы, из-под которых виднелась татуировка на шее — какие-то цифры или буквы, я не разобрала. Вблизи она каза-лась еще более внушительной, чем в темноте. И более злой. Если бы мы были за пределами тюрьмы, я бы дала ей лет со-рок. Хотя кто я такая, чтобы судить? В таком месте год идет за два, а то и за три. И здесь не спа-отель, чтобы выглядеть с иголки и пить детокс-смузи по утрам. Здесь выживают, а не красуются.

— Ты глухая? — она спрыгнула с койки с грацией чело-века, который делает это каждый день уже много лет. Босые ноги шлепнули по холодному полу. Моя соседка спала в фут-

болке и нижнем белье, явно не стесняясь меня. — Вставай, кому сказала. Мать вашу, — она крикнула громче в сторону двери, — я в няньки не набивалась!

Я заставила себя сесть. Голова кружилась, к горлу подкапывала тошнота, но я кивнула и начала подниматься. Вся моя жизнь — это сплошное подчинение. Сначала в детстве с мамой, затем с Виктором, теперь здесь...

Соседка уже натягивала свой комбинезон — такой же оранжевый, уродский, как у меня, только на ней он сидел так, будто она в нем родилась. Застегнула молнию одним движением, сунула ноги в кеды, в которых отсутствовали шнурки, и только тогда обернулась ко мне.

— Че застыла, Ягненок? Обуйся и к двери подходи. За нами сейчас придут.

Соседка наблюдала за мной, скрестив руки на груди. Взгляд тяжелый, изучающий.

— Я знаю, кто ты, Ханна Монро, — я резко подняла на нее взгляд.

Чего? Ее глаза сузились. Она хмыкнула, но, кажется, осталась довольна тем, что я застыла как кролик перед удавом, не в силах вымолвить ни слова. А что тут скажешь? Весь Бостон гудел после моего ареста. А сколько было желающих, попасть на судебное заседание? Мое лицо крупным планом было на экранах, в газетах сплошь и рядом заголовки «Холодная красotka с Эйкорт-стрит оказалась безжалостной убийцей». Журналисты смаковали подробности, выдумывали де-

тали, поливали меня грязью. Мои фото на выходе из дома в наручниках с опухшим от слез лицом облетели все таблоиды. Конечно, моя соседка знала, кто я. Тут, наверное, каждая вторая слышала про дело Монро. Вопрос в том, что она теперь с этим знанием сделает.

— Надоела своя богатенькая жизнь, так решила грохнуть мужика?

Я дернулась так, будто она ударила меня по лицу. Хотя меня никто ни разу в жизни не бил, но мне почему-то казалось, что я бы себя также чувствовала. Растерянно. Оторопело. Слова застряли в горле колючим комком, и я замотала головой, пытаюсь выдать из себя хоть что-то внятное.

— Нет... Я не... Я не убивала, — выдохнула я. Щеки начало заливать краской. — Ты не понимаешь! Я правда не убивала! Это ошибка! Я не виновна!

Соседка скривилась, будто я сказала какую-то неприличную глупость.

— Ой, да все мы тут невинные, Ягненок, — она хлопнула себя по бедру и засмеялась. — Ты, конечно, первая такая за мои восемь лет. Сидит тут, понимаешь, святая. Одна я, выходит, грешница.

Я открыла рот, чтобы возразить, чтобы объясниться. Чтобы рассказать, что это правда, что я никогда в жизни никого не трогала, что просто невозможно, что...

Но в этот момент дверь камеры с лязгом отъехала в сторону, и в проеме появилась фигура надзирателя.

— Брэйди! Монро! — рывкнул он, не глядя на нас, уткнувшись в планшет. — На выход. Живо обе.

Я стояла с открытым ртом, так и не сумев произнести ни слова. Брэйди уже шла к двери, бросив на меня через плечо насмешливый взгляд:

— Улыбайся, Ягненок. Своим мрачным видом весь аппетит испортишь.

Я послушно поплелась за ней, чувствуя, как дрожат колени и как пусто и холодно внутри.

Я не убивала. Я ведь правда не убивала.

Но кому какое дело до моих слов в этом месте?

Мы вышли в коридор. Лязг двери за спиной прозвучал как финальный аккорд — обратно дороги нет. Надзиратель, здоровый мужик с одутловатым лицом и пустыми глазами, махнул нам рукой, подгоняя:

— Шевелитесь, дамы. Завтрак не ждет.

Я плелась за Брэйди, пытаюсь не споткнуться о собственные ноги. Коридоры Фрэммингема встретили меня запахом хлорки. Мимо проплывали серые двери с номерами, какими-то табличками и указателями. Где-то вдалеке закричала женщина, и от этого крика у меня мурашки бежали по коже.

Мы прошли мимо решетчатой перегородки, за которой виднелся общий зал — двухэтажное пространство с открытыми камерами, откуда на нас смотрели десятки пар глаз. Кто-то облокотился на перила, разглядывая новенькую, другие просто стоял, прислонившись к стене. Металлические

лестницы вели навверх, к рядам одинаковых дверей, а внизу, у дальней стены, несколько женщин в оранжевом мыли пол. Одна из них подняла голову, проводила меня презрительным взглядом и снова уткнулась в швабру. Мы, очевидно, приближались к столовой. Гул голосов нарастал, смешиваясь с эхом шагов.

Картинка как из фильмов ужасов.

Моя соседка шла впереди уверенной, размашистой походкой человека, который знал здесь каждый угол. Я старалась не отставать, но ноги заплетались, а комбинезон противно тер шею.

— Не отставай, Ягненок, — бросила она через плечо, не оборачиваясь. — Потеряешься, сама виновата. Тут тебе не экскурсия.

Наконец мы вошли в большое помещение. Я ожидала чего-то ужасного, может, потому что насмотрелась во время практики документальных фильмов про федеральные тюрьмы и изоляторы. Но здесь было достаточно обычно. Длинные пластиковые столы, железные ножки которых были привинчены к полу. Такие же стулья. Раздаточная линия в дальнем конце, перед которой уже выстроилась очередь. Женщины в оранжевом стояли с подносами, переговаривались, кто-то даже смеялся. На секунду показалось, что это просто столовая в дешевом колледже.

А потом я присмотрелась к лицам. И поняла, что ошиблась.

Брэйди толкнула меня локтем, выводя из ступора:

— Вставай в очередь, рот не открывай, не перечь, бери, что дают. Делаешь, как все, — выживешь. Поняла?

Я кивнула. Дважды, на всякий случай. Мысль о том, что я проведу здесь ближайшие лет пятьдесят, никак не укладывалась в голове.

Соседка вздохнула, окинула меня взглядом, в котором читалась усталость пополам с раздражением, и неожиданно добавила:

— Ладно, слушай сюда, пока я добрая. Говорю один раз, повторять не буду. Раз уж нам с тобой в одной камере тусоваться, не хочу, чтоб ты сдохла в первую неделю по тупости.

Я уставилась на нее, забыв про очередь.

— Когда будет распределение на работы, а оно будет, и очень скоро, выбирай столовую, — она кивнула в сторону раздачи. — Работа на кухне, приготовление пищи, мойка посуды — это самое престижное, что тут есть. Всегда тепло, жрать дают нормально, офицеры относятся поприличнее. Поняла?

Я снова кивнула, боясь дышать, чтобы не спугнуть этот внезапный приступ человечности. За последние дни она — первая, кто протянул мне руку пусть и такой помощи.

— Если в столовку не возьмут, — продолжала Брэйди, понизив голос, — просись в прачечную. Там тоже ничего. Только подальше от некоторых держись, — она скривилась. — А то личико у тебя, Ягненок, ничего такое. Приметят и

прощай, невинность. Там уже не до богатой жизни будет. Ну, надеюсь, ты поняла.

— Спасибо, — выдавила я тихо. — Нет, правда, спасибо.

Брэйди дернула плечом — мол, не за что, сама разберешься.

— А ты где работаешь? — я осмелела задать вопрос.

— На почте, — я вытаращила глаза. — А ты думала письма сами собой отправляются? Или ты собралась звонить всем подряд, болтая, как ты тут устроилась? Кто бы тебе еще очередь уступил, — хрюкнула она вместо смеха. — Деньги на звонки то есть?

Я отрицательно покачала головой. Мне приписывают убийство на почве несостоявшегося развода. Что я планировала прибрать все акции и недвижимость к рукам. Если бы они только знали...

— Так я и думала, — Брэйди подошла к линии раздачи. В очереди перед нами стояло еще несколько женщин. — С первым звонком будет легко. А дальше придется заработать.

Соседка вдруг подтолкнула меня вперед и кивнула на девушку за стойкой — худую, с острым подбородком и длинными темными волосами, стянутыми в хвост. Ее обе руки были в татуировках, мочки ушей были растянуты, словно там были массивные раньше украшения.

— Вон та, — сказала Брэйди достаточно громко, чтобы девушка услышала. — Лейси. Запомни ее, она здесь главная по раздаче. Если с ней подружишься — считай, повезло.

Лишний кусок перепадет. А если она тебя невзлюбит...

Брэйди не договорила, но мне и не нужно было. Меньше, чем за сутки в Фрэммингеме я усвоила правила.

Лейси перевела взгляд с Брэйди на меня. Ее глаза — светлые, почти прозрачные — скользнули по моему лицу. Губы скривились в усмешке.

— Новенькая? — спросила она, обращаясь к Брэйди, но не сводя с меня глаз.

— Ага, — кивнула соседка. — Мой Ягненок.

— Ладно, Шэрил, — Лейси хмыкнула. — накормлю твою зверушку.

Женщины в очереди засмеялась. Кто-то хлопнул меня по плечу — вроде дружелюбно, но я чуть не упала. Лейси протянула мне поднос. На нем стояла тарелка с серой кашей — точно такой же, как вчера, от которой меня выворачивало, и кружка с темной жидкостью, похожей на чай.

— Держи, богатенькая, — сказала она, и в голосе звенела насмешка. — Ешь давай. А то отощаешь совсем. У нас тут любят худеньких.

Я взяла поднос дрожащими руками и поплелась за Шэрил к свободному столу в углу.

Глава 3

Ханна Монро

Я вошла в нашу гостиную, которую дизайнер оформляла полгода и брала за это такие деньги, что хватило бы на небольшую квартиру в центре Бостона. Стекло, мрамор, светлый дуб. Хрустальная люстра, которую Виктор заказал из Италии, потому что «мы не какие-нибудь нувориши, Ханна, у нас должен быть вкус». Подошла к огромному, в пол, зеркалу и начала рассматривать себя.

Платье — новое длинное нежно-голубое платье с открытыми плечами. Сидело идеально. Замшевые туфли в тон на шпильке. Волосы уложены в идеальный пучок, естественный макияж, над которым я колдовала два часа, отказавшись от приезда визажиста. Мне надоели посторонние люди дома.

Я себе нравилась. Честно. Впервые за долгое время я посмотрела в зеркало и подумала, что я красивая.

— Ханна!

Голос Виктора донесся из гардеробной. Я вздрогнула. Спустя столько лет брака я все еще не могу расслабиться рядом со своим мужем.

— Я здесь, дорогой, — отозвалась я, чуть повисив голос, чтобы он услышал.

Он появился в дверях гостиной через минуту. Смокинг сидел на нем безупречно. Виктор умел носить дорогую одежду. Запонки с бриллиантами, часы за сотню тысяч долларов, идеальный пробор в волосах. Красивый мужчина. Успешный. Влиятельный.

Мой муж.

Он остановился в дверях, окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног. Я замерла, внутри вся напряглась.

— Что это? — спросил он, кивая на платье.

— П...платье, — ответила я, чувствуя, как внутри начинается нарастать тревога. — Новое. Помнишь, мы обсуждали, я показывала эскизы, когда...

— А, да, вроде бы ты показывала какие-то картинки, — перебил Виктор. Он подошел ближе, обошел меня кругом, разглядывая так, будто я была экспонатом на выставке.

— Нет, Ханна, это не то, что мне нужно.

— Что не то? — спросила я, хотя уже знала ответ. Я — главное украшение своего мужа.

— Цвет. Он делает тебя бледной, как поганка. Ты себя в зеркало видела? А длина? Какого черта платье такое длинное? Тебе еще раз надо напомнить о правилах? — он приблизился ко мне вплотную и сжал до боли плечо. Господи, даже пошевелиться не могла.

— Нет, нет, — заверила я тихо. — Мне казалось, платье подошло бы...

— Тебе казалось, — усмехнулся он. — Ты вообще не пони-

маешь, Ханни-Ханна*. Там будут люди, от которых завяжут контракты на миллионы. Жены этих людей одеваются у лучших дизайнеров, они выглядят с иголки. А ты... — он поморщился, будто увидел что-то неприятное. — Ты в этом голубом выглядишь как провинциалка из Роксбери*, которая первый раз выбралась в свет.

У меня защипало в глазах. Я закусила губу, чтобы не расплакаться. Слезы размажут тушь, и тогда он начнет ликовать. Опустив глаза, я отошла. Плечо ныло. Наверняка, останется синяк. В шкафу висит, как минимум, дюжина пиджаков. К счастью, сегодня вечером прохладно. Виктор не станет задавать вопросы. Все же он беспокоился о моем здоровье. Но цель была одна — о больной жене заботиться он не планировал, а насморк и температура его раздражали еще больше.

— Сейчас переоденусь, — сказала я тихо.

— Конечно, переоденешься, — Виктор уже терял ко мне интерес, поправляя запонки. — У тебя есть то черное, с закрытым верхом. Оно приличное, и на тебе нормально сидит. И никаких голых плеч, Ханна. Ты не в клубе, ты моя жена.

— Да, Виктор, — кивнула я. — Мне нужно десять минут.

Покорная жена, вот кто я. Он посмотрел на меня, и что-то в его взгляде смягчилось. Он подошел, взял мое лицо в ладони — осторожно, почти нежно, чтобы не испортить макияж, — и поцеловал в лоб.

— Ты красивая, — сказал он тихо, и сердце перестало стучать, глупо надеясь на.... — Но не в этом наряде.

Виктор резко развернул меня к зеркалу, я качнулась на каблуках и чуть не упала. Встал сзади, прижимаясь всем телом. Я чувствовала тепло его тела, запах его парфюма — дорогого, терпкого, от которого у меня всегда немного кружилась голова. Хотя раньше мне этот запах нравился.

Теперь я просто стояла и смотрела на наше отражение в зеркале. Его рука скользнула вниз и стальные пальцы впились в мою ягодицу. Я было дернулась, но мой муж прижал меня крепче, не давая вырваться.

— Не брыкайся, Ханни-Ханна, — выдохнул мне в ухо, его дыхание обожгло мне шею.

Вторая рука легла на низ живота, прижала к нему вплотную, так что я чувствовала его всем телом. Хотелось вывернуться, отодвинуться, убежать в ванную и запереться. А еще тереть до красноты кожу мочалкой.

Слова мамы моментально всплыли в голове. О том, что я его жена, и обязана с благодарностью принимать все, что дает мне мой муж. И что берет.

Поэтому я сделала то, что делала уже десятки, даже сотни раз. Смотрела в зеркало ему в глаза и улыбалась. Уголки губ дрожали, но я держалась.

— Смотри на себя, — шепнул Виктор. — Видишь это платье? Видишь эти голые плечи? Ты думаешь, это красиво?

Рука на животе скользнула выше. Грубо стиснула мою грудь. Виктор прикрыл глаза, наслаждаясь своим триумфом, он снова указал мне на мое место. Я же закусила губу, чтобы не зашипеть от боли, разочарования в себе и безнадежности. Под веками начало печь, но я продолжала улыбаться этой проклятой улыбкой.

— Ты же понимаешь, что любой мужик там будет видеть в тебе только это? — Он сжал сильнее грудь, и я зажмурилась. — Ты моя жена, Ханна. Не выставляй себя на посмеище. И не позорь меня.

— Я не хочу тебя позорить, — выдохнула я.

— Знаю, малышка, — голос смягчился, но руку он не убрал. Виктор поцеловал меня в шею, ведя губами до ключицы. Потом в плечо, которое все еще ныло от его хватки. — Поэтому ты сейчас пойдешь в гребанную гардеробную и наденешь черное платье. То, с закрытым верхом. И только попробуй с кем-то болтать дольше двух минут. А если кто-то будет смотреть на тебя так, как мне не понравится, и хотеть то, что принадлежит только мне, ночью ты ответишь за это.

Мой муж поднял подол моего платья. Сначала ткань задралась выше колен, потом выше бедер. Я почувствовала, как холодный воздух комнаты коснулся оголенной кожи, и меня передернуло. Кожа покрылась мурашками, но это было не из-за приятного предвкушения.

— Виктор... — начала я, но голос сорвался.

Конечно, он меня не слушал. Его ладонь надавила мне на поясницу, заставляя прогнуться вперед, и я уперлась руками в зеркало, чтобы не упасть. Холодное стекло обожгло руки. Его пальцы дернули кружево трусиков в сторону, отодвинули, как ненужную помеху. Ткань больно впилась в бедро.

— Смотри на себя, — выдохнул он мне в ухо, и в тот же момент я почувствовала, как его пальцы, сухие, жесткие, прижались ко входу. Это были не ласковые движения, не так, как между любящими людьми.

— Ты помнишь, кто ты такая?

— Твоя жена, дорогой, — во рту пересохло так, что язык прилип к небу.

Его пальцы надавили чуть сильнее, и я инстинктивно сжалась, пытаясь отстраниться, но его ладонь, которая переместилась на бедро, держала крепко, не давая двинуться ни на дюйм.

— Именно. Моя, — подтвердил он. — Если мне что-то не понравится сегодня, ты пожалеешь. Надеюсь в твоей чудной головке сохранилось воспоминание ночи, когда Питер Элисон, тот конченый банкир, сделал тебе сраный комплимент?

Это сложно забыть. Весь вечер он выглядел милым, но я считала бокалы, что он опрокидывал в себя. И уже тогда догадывалась, что будет. Но до конца не осознавала. Виктор взбесился, впервые дал мне пощечину, как только мы переступили порог дома. А затем случилось то, что случи-

лось. Неделю я не выходила из дома, отменив банч с Сиенной, сославшись на мигрень и бронхит.

— Ты больше не отойдешь от меня ни на шаг, поняла? А ночью я заставляю тебя стоять на коленях перед кроватью, пока буду раздеваться. А потом я возьму тебя так, как захочу. И буду брать тебя снова и снова, пока ты не начнешь умолять. И утром, когда выйдешь из нашей спальни, ты, Ханна, будешь улыбаться прислуге и своей матери, будто ничего не случилось. Потому что ты — моя жена.

Он убрал пальцы так же резко, как и задрал платье. Небрежно поправил трусики и оттолкнул от себя. Я кивнула, стараясь не расплакаться. Проглотила всхлип, чтобы окончательно не разозлить Виктора.

— Я же забочусь о тебе, Ханни-Ханна, — сказал он тихо.

— Ты должна выглядеть идеально. Ты же это понимаешь?

— Понимаю, дорогой, — прошептала я.

— Вот и умница.

Он вышел в коридор, а я осталась стоять перед зеркалом в гостиной. Нежно-голубое платье все еще было на мне. Красивое, дорогое, идеально сидящее. Поганка, подумала я. Я в нем как поганка. И поплелась в гардеробную переодеваться.

— Эй, Ягненок! — голос Брэйди вырвал меня из прошлого. — Ты че зависла? Поднимай свою тотщую задницу, работу новичкам распределяют.

Я моргнула, прогоняя видение. Гул голосов в столовой, косые взгляды все еще окружали меня.

— Эй, Ягненок! — голос Брэйди вырвал меня из прошлого. — Ты че зависла? Поднимай свою задницу, работу новичкам распределяют.

Я посмотрела в свою тарелку. Серая масса остыла и застыла неаппетитной коркой. Даже не заметила, как съела половину, пока мысли были далеко.

— Давай доедай, — Брэйди ткнула меня локтем. — Тут не принято оставлять. Лейси может и обидеться.

Я послушно запихнула в рот остатки каши, едва не подавившись и запила остывшим чаем. Брэйди поднялась первой, громыхнув стулом по бетонному полу. Я встала следом, тоже взяла свой поднос и, стараясь не отставать, пошла за ней к железному стеллажу, где уже выстраивалась очередь из женщин, сдающих посуду.

— Давай сюда, — девушка, чье лицо покрывало три татуировки, выхватила у меня поднос, даже не глядя в глаза.

— Пошли, — Шэрил дернула подбородком в сторону выхода из столовой, где уже собиралась небольшая толпа оранжевых комбинезонов. Надзиратель, что будил нас утром, стоял с планшетом в руках и выкрикивал фамилии. Мы втиснулись в толпу. Я старалась держаться ближе к Брэйди, хотя она не обещала меня вводить в курс дела вечно или опекать.

— Брэйди, — рявкнул надзиратель, и моя соседка встрепенулась. — Почтовый фургон приехал час назад, есть работенка.

Она хмыкнула довольно, бросила на меня короткий

взгляд и отошла в сторону, где уже стояла небольшая группа женщин, получивших назначение. Я осталась одна в толпе незнакомых спин. Сердце заколотилось где-то в горле.

— Монро! — выкрикнул надзиратель, и я вздрогнула так, будто он выстрелил. — Монро есть?

— Здесь, — выдавила я, поднимая руку.

*Ханни-Ханна — Honey-Hannah от английского honey (милый, дорогой), дорогая Ханна

*Роксбери — бедный район Бостона с высоким уровнем преступности, социальными проблемами и этнической однородностью

Глава 4

Ханна Монро

Прачечная оказалась адом. Огромные промышленные стиральные машины гудели не переставая, сушилки выбрасывали обжигающий пар. А пол всегда был мокрым и скользким. Пару раз я падала. И теперь на моем бедре красовалась сине-фиолетовая гематома. Посреди всего этого — пятнадцать женщин, практически весь день перебирающие белье, загружающие потом в барабаны, сворачивающие грязные простыни, которые пахли так, что хотелось зажать нос.

Поначалу я радовалась. Ведь Брэйди заверила, что это одна из лучших работ в тюрьме. И не всем новеньким доставалась честь работать всегда в тепле. Обычно прибывших оформляли к Тэсси Морган, заведующей уборкой. Чистка унитазов, мытье душевых — вот, чем я могла заниматься. Но мне повезло.

Неделя превратилась в бесконечный круг. Подъем от стука надзирателя, завтрак с Брэйди, стирка униформы и постельного белья, быстрый обед, снова прачечная и, наконец, ужин. Да, я пробыла в женской исправительной колонии штата Массачусетс недолго. Но основные правила для себя уяснила.

Перестала считать дни, потому что они слились в одно се-

рое пятно. Работа выматывала так, что к вечеру у меня дрожали руки и гудели ноги. Пальцы покрывали мозоли, кожа потрескалась от воды и сухого воздуха. Но в этом было даже что-то успокоительное: когда ты валишься с ног от усталости, у тебя просто не остается сил думать.

И ненавидеть свою жизнь.

На ужине я села рядом с Брэйди и слушала ее редкие комментарии про других заключенных. Кто с кем спит, выясняет отношения, а кого лучше обходить за милую. Я кивала, стараясь все запомнить.

Совсем вечером я падала на жесткий матрас, закрывала глаза и проваливалась в темноту без снов. И утром все начиналось заново.

Так прошли семь дней. Но сегодня кое-что изменилось.

Я стояла у длинного металлического стола и раскладывала высушенные простыни по стопкам. Десять штук в левую, десять в правую, потом перевязать бечевкой и отнести на тележку. Повторить с наволочками. Монотонная работа, от которой немели пальцы и способность ясно мыслить улетучивалась уже к середине смены.

Машины гудели, как всегда. Девушки то и дело перекрикивались у дальней сушилки. Глория, старшая в прачечной, материла кого-то за то, что забрали ее тележку. Короче, обычный день.

А потом вдруг стало тихо.

Глория вдруг замолкла на полуслове. Она подняла голо-

ву, прислушиваясь к чему-то, чего не слышала я. Ее лицо изменилось, злость сменилась настороженностью. Короткостриженная выпрямилась, бросила быстрый взгляд на дверь в конце зала, потом на меня. И в этом взгляде не было угрозы. В нем было сожаление. словно она смотрела на человека, которого вот-вот сбросят с поезда.

Я подняла голову и замерла с простыней в руках. Каждая одна за другой побросали работу и молча направились к выходу. Сначала те, что у дальней стены, потом Глория, потом еще несколько. Кто-то оставил недогруженную стиральную машину. Вода продолжала литься, переполняя барабан, и через минуту на пол потекла мыльная пена. Кто-то бросил тележку с мокрым бельем прямо посередине прохода, перегородив путь. Никто больше не посмотрел на меня, не предупредил, даже не обернулся. Все просто ушли, как по команде.

Меньше чем через минуту в прачечной осталась только я. — Эй... — позвала я в пустоту.

Оглянулась, пытаюсь понять, что происходит. Может, объявление было? Может, всех вызывали, а я прослушала из-за гула машин? Подняла глаза на потолок, где висели динамики, но они хранили молчание. Ни сирены, ни голоса — ничего. Внезапная тревога не давала легким дышать в полную силу. Я перевела взгляд на дверь, ведущую в коридор. Там было маленькое зарешеченное окошко наверху. И в этом окошке всегда маячила тень надзирателя, когда он делал об-

ход. Сейчас там было пусто. Даже охранник куда-то исчез.

А потом дверь распахнулась. Кто-то пнул ее ногой, она с грохотом ударилась о бетонную стену. Звук разнесся по прачечной, перекрывая гул машин. Я инстинктивно попятилась, прижалась спиной к сушилке. Горячий металл обжег лопатки сквозь комбинезон, но я не двинулась с места. Руки вцепились в край стола позади меня, нащупывая хоть какую-то опору. Шесть женщин вошли и молча начали окружать меня плотным кольцом. Светловолосая девушка лет двадцати облизнула губы, подцепила ногой тележку с бельем и отодвинула ее в сторону, расчищая пространство. Они двигались медленно, синхронно, как стая. Другая, с длинным шрамом через всю бровь, облокотилась на сушилку и теперь рассматривала меня в упор, скрестив руки на груди. Последняя, высокая, с татуировкой во всю шею, захлопнула дверь за собой и щелкнула замком.

Липкий страх сковал все тело. В нос ударил аромат дешевого мыла, пота и сигаретного дыма. Я не знала этих девушек, никому не перечила эту неделю, не переходила дорогу. Старалась не вмешиваться в конфликты, вела себя тихо. Но была уверена: никто не придет на помощь.

Никогда.

Я в ловушке.

А потом они расступились, пропуская вперед ту, что зашла последней. Ту, очевидно, ради которой все это затевалось.

— Ну, здравствуй, Ханна Монро, — сказала она обманчиво ласково. Ее руки расслабленно висели вдоль тела. Но кончики пальцев чуть подрагивали, словно она перебирала невидимые четки, или сжимала чье-то горло. — А я все ждала, когда ты ко мне придешь познакомиться. Но ты что-то не торопилась. Пришлось мне самой навестить.

— Я... я не знала, что надо приходиться, — пролепетала я. Она сделала шаг вперед. Я вжалась спиной в сушилку, но отступать было некуда.

— Меня зовут Бонни, — сказала женщина. — Бонни О'М-Элли. Ты, наверное, слышала.

Я не слышала. Хотя знала, что в каждой тюрьме есть главный из заключенных. Кто дружит, если это можно так назвать, с надзирателями и получает поблажки. Кто регулирует поток передач и следит, чтобы «нужные» люди получали «нужные» вещи. Кто-то, кто разбирает конфликты и наказывает провинившихся, не доводя дело до официальных разборок, потому что карцер — это слишком мягко. Тот, чье слово здесь значит больше, чем приказы начальника тюрьмы, потому что начальник приходит и уходит, а Бонни О'М-Элли останется.

И если такая женщина приходит к тебе сама — это явно не к добру.

— У нас тут свои порядки, Ханна, — продолжала Бонни. Она вытянула руку и начала загибать пальцы. — Ты приходишь, знакомишься, платишь вступительный взнос. Продук-

ты или что-то полезное тоже подойдет. Потом живешь спокойно, никто тебя не трогает. Ты не пришла, — отчеканила она. — И ты не заплатила.

— У меня ничего нет, — выдохнула я. — Мне даже позвонить не разрешают.

О'Мэлли склонила голову набок, разглядывая меня, как букашку под лупой. В ее глазах читалось холодное, расчетливое любопытство. Будто она решала, что делать с нашкочившим щенком: наказать или оставить в живых до следующего раза. Или задумалась о том, что она сможет с меня поиметь. В газетах писали разное. Скорее всего, многие считают, что вся недвижимость и деньги все еще у меня.

— Это твои проблемы, Вдова, — Бонни почесала подбородок. Понятно, она тоже наслышана о громком деле по убийству. — У тебя два дня.

Она развернулась и пошла к выходу. Ее свита двинулась следом. Дверь захлопнулась. Я сползла по горячей стенке сушилки на пол. Колени подкосились, и я просто сидела в луже мыльной воды, не чувствуя, как она пропитывает комбинезон, как холод проникает сквозь ткань.

Господи, какая же я жалкая. Как будто пожизненного приговора мне было мало...

Я смотрела на свои руки — потрескавшиеся, красные от воды, с обломанными ногтями. Эти руки писали диссертацию. Было время, я отстаивала границы с коллегами, которые пытались принизить молодого специалиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.